

В

последние годы среди сибиряков понятие выезда на охоту приняло совсем иной смысл, чем это было несколько десятилетий назад, когда с открытием охотничьего сезона народ выбирался по одному или вдвоем-втроем с вполне конкретной целью: поохотиться и привести домой какую ни на есть добычу. Теперь это уже масштабные вылазки на десятках машин куда-нибудь к воде, где можно костерок развести, шашлычок изжарить, принять от души на грудь, а в самый канун открытия сезона, в полночь, устроить пальбу по пустой тарелке или чему другому. Главное, отметить: был на охоте.

Где там охотничьи скрадки, ползанье по топкому берегу, трепетное ожидание первого утинового табунка, подсака чучел, а то и живой прикормленной утки, томительные часы сидения под дождем. И азарт! То, ради чего все это мероприятие и затевается. Хорошо помню, как в глубокой юности не мог попасть с каких-то пяти метров в сидящего передо мной селезня, потому как ствол дедовского ружья ходунном ходил от сказочного зрелища, неверия, что ты настоящий охотник, и сейчас после твоего выстрела селезень тот забьет крыльями и превратится в долгожданную добычу, которую еще нужно достать, выловить, промокнув насквозь. Вот то — истинный азарт!

Да нет, зря я грешу на всю охотничью братию: остались, как им не быть, настоящие добытчики, которые не особо любят афишировать свои успехи перед всем честным народом. Никуда они не делись, но вот все меньше и меньше их, охотников. А бригады стреляльщиков по опустошенным бутылкам прибывают каждый год. И бедная утка, напуганная их неимоверным количеством, угрожающим видом новейшей амуниции, уходит все дальше и дальше от города, где взять ее не так-то легко. Может, оно и к лучшему — глядишь, побольше ее уцелеет, но то, что давние дедовские традиции забыты, втоптаны вместе с бутылочными осколками в грязь, и охота превратилась в многолюдный сабантуй, — то жалко...

...Было мне в ту пору около тридцати лет, служил руководителем средней руки и за пару недель до охотничьего сезона собрал вокруг себя пятерых человек, что обращаться с ружьем умели чуть не с детских лет, и решили с ними тайно от всех совершить вылазку на дальние озера, где и охотники особо не бывают, и дичь водится. Причем, как те бывалые люди судачили, залетают туда кормиться и гуси, и косачи рядом в бору водятся, а там — кто его знает, на кого еще набрести можно. У меня как раз отпуск вызревал, а соратники мои заявление на отгул написали, чтоб все как положено было. Добраться на то озеро можно было лишь вертолетом, что делали по несколько рейсов в день на какую-то там таежную стройку. Нашли и знакомых летунов, что брались нас туда закинуть, а через недельку доставить обратно. Определились со временем, с боеприпасами, продуктами и, само собой, спиртным «на всякий случай». А вдруг да потребуется. Но уговор был железный: до отлета — ни-ни.

Сели на дежурную машину, и она нас к нужному времени доставила на вертолетную площадку, откуда те винтокрылые машины разлетались в разные стороны. Расписания никакого. Кого куда направят — непонятно. Пилот рукой махнет — и чтоб в две минуты на борту были. Естественно, начальство о том догадывалось, но особого шума не делало. Невелик грех — попутчиков прихватить. Приходит первый борт. Не туда, не на нашу точку. Второй — тоже мимо. Уже второй час сидим, и все впустую. У мужичков моих естественное желание возникло: по сто граммчиков принять, чтоб время не так скучно тянулось. Ну как тут против всего коллектива возразишь, конфликт никому не нужен. Выпили одну, вторую, третью, а больше и нет. Один, самый разумный, Костей его звали, и предлагает: «Мол, все одно зря сидим, можно успеть до ближайшего магазинчика сгонять». Все только «за». Уехала вахтовка с одним из нашей команды, а тут наш борт садится. Народ оставшийся говорит — ничего,ждемся другого. Не пропадать же добру. Остались. И как назло уже вахтовка вернулась, мы все в сборе, в полном ожидании, а нашего борта нет. Сказали, что сегодня рейсов туда не предвидится. Все, отдыхайте.

Народ на меня глядит, мол, чего делать-то станем? И тут меня осенило поехать на ту сторону Иртыша и там найти какое озерко да и пострелять вволю. Никто особо возражать не стал, погрузились — и на берег. И надо же такому случиться, что стоит на переправе кораблик под названием «Ихтиоз» (на всю жизнь это название запомнил!), а на борту его капитан Володя, который в нашем участке зимой грейдеристом на службе состоял, а летом в рейс уходил, потому что имелось у него флотское образование. То был изготовленный для военных целей сторожевой катер, довольно скоростной и легко управляемый. Мы — к капитану, как к родному. Мол, возьми с собой, по дороге где-нибудь высадишь, где поохотиться можно. Он не возражает. Сообщил, через полчаса отваливаем. Но

ехать с нами решились далеко не все. Двое отговорились срочными делами и заботами; в результате нас осталось трое, не считая капитана и его пожилого помощника, хозяйничавшего на камбузе. Еще как на грех оказались у него под горлышко заправленные две фляги со свежим пивом. Он не возражает: пейте, не жалко. Ну, мы были уже тепленькие, а тут еще пиво сверху крепко легло. Все к рулю кинулись, капитанами себя почуввав. В результате доплыли до Абалака, и лишь потом Володя, узрев монастырские строения, сообразил, что не туда курс держим. Обложил нас матом крепко, развернулись, пошли в другую сторону. На север, значит.

Утром слышу скрежет, звон цепей швартовочных, крики какие-то. Выбрался из кубрика, спрашиваю у капитана: «Это где мы, значит, есть?» Он мне спокойно и отвечает: «В Хантах на заправку встали». — «А потом куда?» — «Потом мне в Салехард нужно груз какой-то там доставить». «Ихтиоз» этот был у одного научно-исследовательского рыбного института в аренде — вроде как курьерское судно. То все ладно, а вот нам-то что под Салехардом делать? Это же, считай, две тысячи верст! «А обратно когда?» — интересуюсь в надежде, что через недельку-другую — в крайнем случае, две. «Да нет, — капитан отвечает, — до конца сезона на севере буду...» Это значит: до ледостава, до начала ноября месяца. А сейчас сентябрь только. «А нам как быть?» — задаю резонный вопрос. «Определю вас где-нибудь, там и поохотитесь, и порыбачите», — улыбается он.

Сон мой как рукой сняло. Выходить в Хантах — кому мы здесь нужны. Документов ни у кого с собой нет, наберешься неприятностей по полной. А на север плыть — как обратно попадать? Дилемма... Разбудил свою команду, изложил ситуацию, а мужики так спокойно и говорят мне: «Капитан — человек бывалый, не первый год обитает на Иртыше и Оби, он нас пристроит куда-нибудь. Чего переживать, плывем и ладно...»

И плыли мы так то ли день, то ли два, покуда до меня не дошло, что дома меня хватятся через неделю и точно в розыск объявят. Надо бы их как-то известить, где нахожусь. Пошел к капитану, показываю на рацию, мол, с Тобольском связаться можно? Он смеется: второй год не работает. Лампа какая-то полетела. «А почта нам хоть какая-то по дороге попадетсЯ? — спрашиваю. — Домой телеграмму надо дать, а то ведь там с ума сойдут».

«Почта скоро будет. Тут поселок стоит, Горки зовут. Я причалю, быстро отправите свою телеграмму, и все путем будет».

Точно. Поселок о две улицы. Выбрался на берег. Как сейчас помню: рябина соком налилась — и я, как ягодка спелая, иду по песчаной улице, разными нехорошими мыслями одолеваемый. Зашел на почту, бланк взял, пишу. «Как ваш поселок зовут?» — уточняю. «Горки зовут». У меня тут же с этим названием нехорошая ассоциация родилась: именно в Горках вождь мирового пролетариата последние дни свои доживал. А если придет от меня послание, что я в Горках оказался, что там мои родные и близкие подумают? Ясно что. Нашел-таки выход, спрашиваю телеграфистку: «А как следующий поселок называется, скажите, будьте добры». Она мне так спокойно и отвечает: «Мужжи» его зовут». — «Как?!» — переспросил. «Говорю вам: МУЖИ!»

Вот те на. Сплошной кроссворд выходит. Не нашел ничего лучшего, как написать: «Нахожусь в Горках, плывем в Мужжи». Мелькнула спасительная мысль, что моя мама проработала в речной навигации всю жизнь, поди, разберет. Только вот мама всю ту осень провела у себя на даче и в город ни разочка не показывалась. Так что осталась та телеграмма нерас-

шифрованной и долго служила мне нареканием моего верхоглядства и прочих, прочих грехов. Спорить не стану, так оно и было.

Наконец судно наше остановилось возле симпатичного заливчика, опоясанного сверху сопками высоких холмов и непроходимым лесом. Капитан подозвал нас и сообщил: «Вот здесь вас и высажу. Там, наверно, — хантейская избушка, в ней обоснуетесь. Печка есть, топор найдете, так что замерзнуть не рискуете. Лодку вам оставляю с мотором, бензин, сети, хлеба запас, сигарет, потом по возможности еще подкину. Местечко это называется Ханты Питляр. От Салехарда совсем рядом, рукой подать, но от людей скрыто, лишних глаз нет. Хозяин избушки на лето в поселок перебрался, сюда только зимой вернется. Только смотрите: ведите себя тихо, не пакостить, а то он на вас управу живо найдет».

Мы в ответ улыбнулись, представив хилого ханты в сравнении с нашей разудалой троицей. Настроение было самое радостное: когда еще удастся попасть в такие нежилые места, где ты сам себе хозяин? Быстро выгрузились, отыскиали избушку, сплошь увешанную амулетами из птичьих хвостов и лам. Посоветовал мужикам их не трогать, но те лишь подняли на смех. «Зачем они нам? Он новых птичек наловит, навесит свои убрательства». Ну чего с ними спорить — промолчал.

Самая большая проблема оказалась с заготовкой дров. Ни березы, ни осины или иных пород деревьев на том взгорье не росло. Одна лиственница. А срубить такое дерево, да еще тупым топором, оказавшимся в избушке, — это, я вам доложу, далеко не самая легкая задача. Но ничего, справились: рубили по очереди, собирали валежник и все, что можно на растопку пустить. Только как-то смотрю — тащат парни вязанки каких-то заготовок. Хорошо обструганных, явно для дела приготовленных. И — в огонь. Благо рубить не надо, бери готовенькое. Тут я возмутился не на шутку, мол, чего же вы чужой труд на распыл пускаете. Человек старался, вырубал, выпиливал, подгонял все по размеру, это же явно детали для нарт. «Ну и фиг с ними, — услышал в ответ. — Ему тут заняться нечем зимой, пушай себе строгают, а нам ладони в кровь сбивать уже надоело. Ты можешь и дальше рубить, коль нравится, а мы эти палки точно на огонь пустим».

Вижу: спорить с ними бесполезно, но сам эти детали от будущих нарт не трогал. Даже спрятал подальше несколько вязанок этих заготовок, пока ребят не было. Как-то меня с детства приучили не трогать то, что не тобой сделано. Да и вспомнились слова капитана, что с хозяином избушки лучше не связываться, а то дело может худым концом к тебе повернуться.

Заливчик этот, где мы обосновались, ханты «сором» зовут. Весной там вода разливается, а выход к реке они перегораживают вбитыми в дно кольями, оставляя узенький проход к большой воде, и затягивают его сеткой, чтоб рыба не ушла. Этаким садок, где рыба подрастает, питается, чем Бог пошлет, и в любой момент можно подплыть к этой завеске и набрать сколько нужно жирных муксунов или иной доброй рыбы. Потребляла мы ее в сыром виде с хлебом и солью. И сытно, и время на рыбную ловлю тратить не надо. Все ждали, когда хозяева этого садка с претензией пожалуют, но или капитан с ними какой договор заключил, или они на нас особого внимания не обратили, но как-то все обошлось. Правда, пару раз стреляли по нам непонятно откуда. Ни в кого не попали, но, когда пуля рядом с тобой просвистит или от воды отрикошетит, ощущение, я вам скажу, не из самых приятных. Видать, попугивали нас местные аборигены, чтоб мы не забывали, что в гостях и никак не хозяева.

Плавали пару раз в поселок за хлебом и невольно оказались спасителями двух практически захлебнувшихся предводителев местного населения. Они к обеду улов свой выменяют у проходящих речников на водку, выпьют все досуха — и в поселок. К берегу вплотную не подплывают, чтоб мотор не поднимать, привязывают лодку к кольям, а дальше по воде в броднях бредут. Две лодки так встали, рыбаки из них выбрались. Едва живые. Бредут по воде. И мы следом встали. Вдруг один то ли поскользнулся, то ли зацепился за что — и прямо лицом в воду. А встать не может, захлебываться начал уже. Дружок ему на помощь кинулся и тоже упал, лежит в воде, руки крестом раскинул. Не раздумывая, я выскочил из лодки, кинулся к ним. Одного поднял, к лодке подтащил, потом другого. Ребята мне кричат, то ли шутя, то ли всерьез, что у их народностей не положено утопленника из воды вытаскивать, мол, примета такая. Да что мне примета. Загрузил тех бедолаг в лодки, моторы поднял, к берегу причалил и так оставил. Парни смеются, мол, все одно медали за спасение утопающих никто не даст, в протоколе не зафиксировано. Ругнулся на них да и ладно. Наши-то обычаи другие, а там они пусть поступают, как им пожелается.

И охота там оказалась знатная. Место кормовое, табунки один за другим пикировали в заводь, и, спрятавшись в кустах, затаившись, выбираешь любую по своему вкусу. Но опять же — оципывать ее надо, потрошить, палить, варить сколько положено. Настрелялся я там от души и даже больше. Даже синяк от отдачи приклада на плече долго не сходил. Нет, рыбка речная куда как веселее шла. Сообразили, как в берегу сделать примитивную коптильню, вялили, сушили, набирали впрок, чтоб домой было что привести.

Прошло недели две или три, отпуск мой к уже концу подходит, а еще как-то до родного Тобольска добираться надо. Как? На чем? Начали к капитану подступать, мол, выручай, век твоими должниками будем. Он посмеялся, пошутил, что не мешало бы нам и на зимовку остаться, но потом серьезно уже так говорит: «Договорился с одним знакомым сухогрузом. Скоро мимо нас пойдет, закинет вас в город. Только вы с ним рыбкой поделитесь, а то ему нынче некогда было промыслом заниматься». Кто бы против, мы только за.

Ночью остановился этот самый сухогруз, забрал нас, кубрик приличный отвел, рыбы, что заготовили, совсем чуть взял. Добрый мужик оказался. И через три дня мы уже стояли под стенами родного города. Распрощались — и чуть не бегом по домам. Кончилось наше приключение. Только вот главное все потом случилось.

Через месяц один из тех, что у нас в команде был, аварию по пьяному делу устроил, девчонку покалечил. Сразу его не закрыли — ну он и пьянствовал по друзьям. И надо же такому случиться, что поздней ночью его на проезжей дороге сбил какой-то горе-водитель, причем насмерть, и скрылся. Похоронили, погоревали, там уже и капитан наш из плавания вернулся, встретились, поговорили, а через неделю другое известие — не лучше первого: зарезал его строитель, что под дом его фундамент подводил. Не поделили что-то там. Капитан-то был сам по себе человек тихий, сдержанный, но лишней копейки просто так никому не давал. Может, на том и разошлись.

А последний попутчик мой пострадал уж и вовсе дурным способом. Поехали шишку бить в соседний район, обратно возвращались по темноте, фары плохо горели — и налетели на брошенные разъярой тракторис-

том бревна, в аккурат посреди дороги оставленные. Ему, бедняге, полноги оторвало. Пришили как могли, но хромал до конца дней своих, ногу за собой таскал. А тут еще с одним нашим общим дружком опять же пьяные драться начали, и влепил он одному заряд дробин. Ушел на зону на долгие восемь лет, но вернулся живым и на воле еще пожить успел, сколько здоровье позволило.

Вот тогда-то меня раздумье и взяло. Думаю, чего-то неладно с поездкой той нашей вышло. С нее все и началось. Не зря капитан говорил, чтоб не вольничали в хантыйской избушке, лишнего не брали, не пакостили нигде. Ой неспроста все это. И хотя особо верующим человеком себя не считаю, но веру дедовскую пытаюсь соблюдать как умею. Много раз к этой ситуации возвращался: и так, и этак посмотреть на нее пытался. С одной стороны — случай всему виной. Погибли, покалечились по дурости своей. Судьба, значит, так распорядилась. А с другой — не шли с ума те сожженные заготовки хантыйские и амулеты сорванные. Поручили чужое добро, вот оно все так и обернулось против нас. И меня судьба изрядно покрутила, потрепала, но самое главное — жизнь оставила. Одно скажу: в те северные края — больше ни ногой. Хотя и звали меня друзья побывать в тех благодатных местах. Но родной берег — он как-то милее, надежнее. И тебе понятен, и законы иные. А чужие края — они хоть и заманчивы, да не для каждого доступны, открыты. К ним свой подход нужен; а не знаешь как — лучше не суйся...

На меня же поездка в забытое Богом местечко Ханты Питляр подействовала и вовсе непонятным образом: забросил навсегда охоту, и все мои замечательные ружья стояли без дела долгое время, пока не решил сдать их навечно в соответствующие органы. И той же осенью ушел с начальствующей должности и... впервые в жизни написал корявый, но все же свой рассказ или очерк, сейчас и не упомню. Так что на каждом из нас та поездка оставила свою отметину. И спорить с этим даже не буду, коль до сих пор влияние ее на себе ощущаю.

